

**ГАНС
ХРИСТИАН
АНДЕРСЕН**

ДИРЕКТОР КУКОЛЬНОГО
ТЕАТРА

Ганс Христиан Андерсен

Директор кукольного театра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=144925

Аннотация

«В числе пассажиров на пароходе находился пожилой господин; лицо у него было такое весёлое, довольное, что, не лги оно только, обладателя его приходилось признать счастливейшим человеком на свете. Да так оно и было – он сам сказал мне это. Оказался он моим земляком, датчанином, и директором странствующей труппы. Всю труппу он возил с собою в большом сундуке: он был директором кукольного театра. Природный весёлый нрав господина директора прошёл через горнило испытания и закалился благодаря эксперименту одного политехника. Последний превратил директора в истинного счастливца. Сразу я не смекнул, в чём было дело; тогда он подробно рассказал мне всю историю. Вот она...»

Ганс Христиан Андерсен

Директор

кукольного театра

В числе пассажиров на пароходе находился пожилой господин; лицо у него было такое весёлое, довольное, что, не лги оно только, обладателя его приходилось признать счастливейшим человеком на свете. Да так оно и было – он сам сказал мне это. Оказался он моим земляком, датчанином, и директором странствующей труппы. Всю труппу он возил с собою в большом сундуке: он был директором кукольного театра. Природный весёлый нрав господина директора прошёл через горнило испытания и закалился благодаря эксперименту одного политехника. Последний превратил директора в истинного счастливого. Сразу я не смекнул, в чём было дело; тогда он подробно рассказал мне всю историю. Вот она.

– Дело было в городе Слагельсе, – рассказывал он. – Я давал представление в зале на почтовой станции; сбор был полный, публика блестящая, но совсем зелёная, за исключением двух-трёх пожилых матрон. Вдруг входит господин в чёрной паре, с виду студент, садится и где следует смеётся, где следует аплодирует!.. Зритель не из обыкновенных! Я захотел узнать, кто он такой. Слышу – кандидат политехнических наук, командированный в провинцию просвещать народ. В во-

семь часов вечера представление моё кончилось, детям надо ведь ложиться спать пораньше, а моё дело заботиться об удобствах публики. В девять часов начал читать лекцию и показывать свои опыты кандидат, и теперь я превратился в слушателя. Да, оно и стоило послушать и поглядеть! Правда, бóльшую часть лекции впору было понять разве пастору, как это у нас говорится, но всё же я кое-что понял, а главное, усвоил себе мысль, что если мы, люди, способны додуматься до таких вещей, то должны годиться кое на что и после того, как нас упрячут в землю. Кандидат положительно делал маленькие чудеса, но всё выходило у него так просто, естественно! Во времена Моисея и пророков такой политехник прослыл бы за одного из первых мудрецов, а в средние века его бы просто сожгли! Всю ночь я не мог заснуть; на другой день вечером я опять давал представление; кандидат снова присутствовал, и я был, что называется, в ударе. Я слышал от одного актёра, что он, играя роли первых любовников, всегда имел в виду одну из зрительниц, для неё одной и играл, забывая всех остальных. Такою «зрительницей» стал для меня кандидат; для него я и играл. Представление кончилось, всю мою труппу вызвали, а меня кандидат пригласил к себе распить с ним в компании бутылочку вина. Он говорил о моём театре, а я – о его науке, и думаю, что оба мы были одинаково довольны друг другом, но я в своём деле всё-таки перещеголял его: он-то многих из своих фокусов и сам объяснить не мог. Почему, например, железная пластинка,

пропущенная сквозь спираль, намагничивается? Она словно одухотворяется, но как, чем? Вот и с людьми то же самое, думается мне: создатель пропускает их через спираль времени, на них нисходит дух, и вот вам – Наполеон, Лютер или кто-нибудь другой в этом роде. «Мир – ряд чудес, сказал мой кандидат, – но мы так привыкли к ним, что зовём их обыденными явлениями». И он пустился в объяснения; под конец мне стало казаться, что мне как будто приподняли темя и мозговое помещение моё расширилось! Я сознался, что, не уйди уже моё время, я бы сейчас же поступил в политехнический институт, учиться разбирать мир по косточкам, даром что я и без того один из счастливейших людей на свете! «Один из счастливейших людей! – повторил кандидат, словно смакуя мои слова. – Так вы счастливы?» – «Да! – ответил я. – Я счастлив; меня с моей трупой принимают отлично во всех городах. Правда, есть у меня одно желание, которое иногда дразнит меня, как бесёнок, и смущает мой весёлый нрав... Мне бы хотелось стать директором настоящей труппы!» – «Вы хотели бы оживить своих марионеток? Желали бы, чтобы они сделались настоящими актёрами, а вы директором настоящей труппы? – спросил меня кандидат. – Вы думаете, что будете тогда вполне счастливы?»

Сам он этого не думал, а я думал, и мы долго спорили, но каждый остался при своём мнении. Разговаривая, мы не переставали чокаться: вино было доброе, но не простое, что ни говори; иначе пришлось бы объяснить всю историю тем,

что я попросту наклюкался! Но пьян я не был, ни-ни!.. Вдруг вижу, всю комнату точно озарило солнцем; лицо кандидата так и светится. Мне сейчас вспомнились сказания о вечно юных богах древности, разгуливавших по свету. Я сказал ему об этом, он улыбнулся, и я готов был поклясться, что передо мною сидит сам переодетый бог или один из сродников богов. Так оно и было; и вот желанию моему суждено было исполниться: куклы должны были сделаться живыми людьми, а я – настоящим директором. По этому случаю мы выпили ещё; потом кандидат запрятал всех моих кукол в сундук, привязал его к моей спине и пропустил меня через спираль. Я и теперь ещё слышу, как я шлёпнулся на пол!

В самом деле, я лежал на полу, а вся моя труппа выпрыгнула из ящика. Куклы превратились в замечательных артистов – это они сами мне сказали, – а я был их директором. Всё было готово к первому представлению, но вся труппа желала поговорить со мною, публика тоже. Первая танцовщица заявила, что, если она не будет стоять на одной ножке, сборы падут; она являлась главным лицом в труппе и требовала соответственного обращения с собою. Кукла, игравшая королев, желала, чтобы с нею и вне сцены обходились как с королевой, – иначе она отвыкнет от своего амплуа! Выходной актёр, являвшийся с письмами, воображал себя такую же артистическою величиною, как и первый любовник: нет ни малых, ни великих актёров, все одинаково важны в смысле сценического ансамбля! Трагик же требовал, чтобы вся

его роль сплошь состояла из одних сильных мест: за ними ведь следуют аплодисменты и вызовы. Примадонна хотела играть только при красном бенгальском освещении – это ей шло, а голубое было не к лицу. Словом, все жужжали, точно мухи в бутылке, а в середине её сидел я сам – я был директором! Дыхание спиралось у меня в груди, голова кружилась, я очутился в самом жалком положении, в какое только может попасть человек: меня окружала совсем новая порода людей! Я от души желал упрятать их всех опять в сундук и вовеки не бывать настоящим директором! Я и сказал им прямо, что все они, в сущности, только марионетки, а они за это избili меня до полусмерти.

Очнулся я на своей постели, в своей комнате. Как я попал туда от кандидата, знает он, а не я. Месяц светил прямо на пол, а на полу валялся опрокинутый сундук и вокруг него все мои куклы, малые и большие, – вся труппа! Я зевать не стал, спрыгнул с постели, побросал их всех в сундук, которых ногами вниз, которых головой, захлопнул крышку и сам уселся на неё. Вот-то была картина! Можете вы себе представить её? Я могу. «Ну-с, теперь вы останетесь там! – сказал я куклам. – А я никогда больше не пожелаю оживить вас!» На душе у меня стало так легко, я опять был счастливейшим человеком. Кандидат политехнических наук просветил меня. Я был до того счастлив, что как сидел на сундуке, так и заснул. Утром – скорее, впрочем, в полдень, я непостижимо долго спал в этот день! – я проснулся и увидел, что всё ещё

сизу на сундуке. Теперь я был вполне счастлив: я убедился, что моё прежнее желание было просто глупостью. Я справился о кандидате, но он исчез, как исчезали греческие и римские боги. С тех пор и я остаюсь счастливейшим человеком. Ну, не счастливый ли я в самом деле директор? Труппа моя не рассуждает, публика тоже, а забавляется себе от всей души. И я свободно могу сам сочинять для себя пьесы. Из всех пьес я беру что хочу – самое лучшее, и никто не в претензии. Есть такие пьесы, которыми теперь директора больших театров пренебрегают, но которые лет тридцать тому назад давали полные сборы, заставляли публику проливать слёзы: я даю эти пьесы на своей сцене, и малыши плачут, как, бывало, плакали их папаши и мамыши. Я даю «Иоганну Монфокон» и «Дювеке» – конечно, в сокращённом виде: малыши не любят длинной любовной канители; им хоть несчастливи, да скоро. Так-то изъездил я всю Данию и вдоль и поперёк, знаю всех, и меня знают все. Теперь вот направляюсь в Швецию; посчастливится мне там, наживу деньжонок – сделаюсь скандинавом (приверженцем идеи объединения всех трёх северных государств), а иначе – нет; говорю вам откровенно, как своему земляку!

А я в качестве такового, конечно, не замедлил рассказать о своей встрече вам; такая уж у меня повадка – рассказывать.